

– ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>*Оригинальная научная статья*

Общетюркская аналитическая конструкция в абыйском говоре якутского языка (на материале полевых исследований)

В. С. Борисова^{1, 2}¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Российская Федерация,

²Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ Valerybo1402@gmail.com

Аннотация

Сегодня в якутской диалектологии наблюдается постепенное нивелирование особенных диалектных черт, одни из которых восходят к архаичным свойствам якутского языка. Абыйский говор якутского языка находится под угрозой утраты его специфических языковых явлений, связанных с его морфологической системой. Цель настоящей статьи заключается в описании аналитической формы причастия на *-ыа* и вспомогательного глагола *кэл-* и проведение сравнительно-исторического анализа ее компонентов. Для достижения поставленной цели выполнены следующие задачи: 1) выявить частотность употребления рассматриваемой аналитической конструкции в речи абыйских якутов; 2) разбор диалектной аналитической конструкции на компоненты; 3) сравнение диалектной аналитической конструкции с общепотребительным свободным сочетанием. Полученные результаты анкетирования, согласно которым конструкция остается продуктивной для половины респондентов, подтвердили ее довольно высокую степень устойчивости в речи абыйских якутов. В составе диалектной аналитической конструкции полнозначные слова предстают в роли служебной части речи, а морфемы принимают другие показатели. В других тюркских языках аналогичная аналитическая конструкция в составе *-гу- кел-*, где компоненты так же становятся показателями других грамматических категорий. Входящее в норму литературного языка свободное сочетание причастия на *-ыах*, именного слова *санаа/баба* с притяжательным аффиксом и служебного глагола *кэл-* является продуктом более позднего времени. Когда носители центральных говоров или говоров, относительно близких к центральному, переходили на другие модели выражения модальности, на периферии закрепилось употребление архаичной формы. В дальнейшем следует выявить факторы сохранения древних языковых явлений в составе северных говоров якутского языка как способа поддержания уникального лингвистического наследия Севера и Арктики РФ.

Ключевые слова: аналитическая конструкция, аналитический формант, свободное сочетание, модальность, анкетирование, диалектизм, абыйский говор, северо-восточная группа, якутский язык, тюркские языки.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение N25-78-30006 от 22.05.2025 г.).

Для цитирования: Борисова В.С. Общетюркская аналитическая конструкция в абыйском говоре якутского языка (на материале полевых исследований). *Алтаистика. Altaistics*. 2025, № 3 (18), С. 5-12. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>

The Turkic analytical construction in the Abyi dialect of the Yakut language (based on field research)

Valeriia S. Borisova^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ Valerybo1402@gmail.com

Abstract

Today, there is a gradual reduction in the use of specific dialectal features in the Yakut dialect, some of which are rooted in the archaic characteristics of the Yakut language. The Abyi dialect, in particular, is at risk of losing certain linguistic phenomena that are unique to its morphological system. The aim of this paper was to examine the analytical form of the *-ya* participle and the *kel-* auxiliary verb, and to conduct a comparative historical analysis of their components. To achieve this objective, the following steps were taken: 1) to identify the frequency of use of the analytical construction in question in the speech of the Abyi Yakuts; 2) to analyze the dialectal analytical construction into components; 3) to compare the dialectal analytical construction with a commonly used free word combination. The survey results, which indicate that the construction remains functional for approximately half of the participants, confirm its relatively high level of vitality. As part of the grammatical analysis, full-fledged words function as the main part of speech and morphemes acquire additional markers. In other Turkic languages there is a similar analytical construction in the composition *-gu- kel-*, where the components also become indicators of other grammatical categories. The free word combination of the *-yah* participle, the nominal word *sanaa/baga* with a possessive affix and the *kel-* auxiliary, which is part of the norm of the literary language, is a formation of a later period. When speakers of central or relatively close dialects shifted to other modality expressions mode, the use of an archaic form became established in the periphery. It is therefore necessary to identify factors that contribute to the preservation of ancient linguistic phenomena in northern dialects of the Yakut language, in order to maintain the unique linguistic heritage of the North and Arctic regions of the Russian Federation in the future.

Keywords: analytical construction, analytical formant, free word combination, modality, questioning, dialecticism, Abyi dialect, Northeastern group, Yakut language, Turkic languages.

Funding: This article was written with support from RSF “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” (Agreement No25-78-30006 of 22.05.2025).

For citation: Borisova V.S. The Turkic analytical construction in the Abyi dialect of the Yakut language (based on field research). *Altaistics*. 2025, No 3 (18), Pp. 5-12. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-3-5-12>

Введение

Исследование современного состояния диалектов якутского языка является одной из первостепенных задач по сохранению уникального языкового наследия народов Севера и Арктики в условиях интенсивного развития глобализации и урбанизации. На сегодняшний день материал по диалектным вариациям якутского языка собран и описан в существенном объеме, однако полученные еще в прошлом столетии данные по различным группам говоров нуждаются в обновлении. Так, последние наиболее масштабные и систематические исследования по якутским диалектам и говорам, а также работы по комплексному их описанию проводились в 90 г. XX века [1]. Нужно отметить, что северные группы диалектов якутского языка в настоящий момент переживают весьма интересный этап своего бытования: изолированная жизнь северных якутов способствовала сохранению архаичных черт якутского языка вплоть до наших дней. Вместе с тем начинает стираться граница между литературными и региональными вариантами слов, что приводит

к нивелированию особенных диалектных черт. Угрозу утраты особенностей абыйского говора лингвисты подчеркнули еще в XX веке. К примеру, якутский филолог Е. И. Коркина отметила: «С развитием грамотности, распространением печати, культурных товаров, радио и т. д. влияние литературного якутского языка все больше усиливается с каждым годом» [2, с. 93].

Поскольку морфологическая система является наиболее устойчивой к изменениям, соответственно, в языке северных якутов продолжают бытовать древние формы слов или конструкций. Так, в абыйском говоре употребляется общетюркская аналитическая конструкция в составе причастия на *-ых* и вспомогательного глагола *кэл-* с модальным значением [3]. Подобные диалектные грамматические явления представляют большой интерес для понимания грамматического строя и исторического развития якутского языка. Цель настоящей статьи заключается в описании данной аналитической конструкции глагола, а также в проведении ее сравнительно-исторического анализа.

Согласно классификации М. С. Воронкина, абыйский говор составляет северо-восточную диалектную зону. Исследователи единодушно отмечают древнейший характер данной диалектной группы, заключающийся в наличии «следов большей архаичности» в сравнении с современным литературным языком [2, с. 18]. Так, описанию особенностей северо-восточной группы говоров якутского языка, в частности, связанные с их фонетической системой, посвящено немало работ. Однако отдельные морфологические явления северных говоров требуют детального описания и исторического осмысления.

Исследователи подчеркивают особую роль аналитизма в тюркском словообразовании, а рассматриваемую модальную аналитическую форму признают одним из самых продуктивных [4]. Уникальность данного явления в тюркских языках проявляется в широком употреблении одной части речи в роли другой, при этом за каждой из ее функций закреплено «точное формальное выражение, позволяющее однозначно осмыслить эту единицу в любом случае конкретного употребления» [5, с. 55]. Данное грамматическое явление получило теоретическое осмысление в монографии А. А. Юлдашева «Аналитические формы глагола в тюркских языках». В труде дифференцируется понятие глагольной аналитической конструкции от сложного глагола, систематизируются ее виды и дается их описание; здесь также впервые подробно рассматриваются глагольные аналитические формы с модальным значением. А. А. Озонова, в свою очередь, при анализе различных аналитических форм подчеркивает особую роль аналитического форманта, который представлен аффиксом, замыкающим основной и вспомогательный глаголы [6]. Первичное подробное описание аналитических конструкций с модальным значением на материале якутского языка было составлено Е. И. Коркиной, а также диалектная аналитическая форма в составе причастия на *-ых* и вспомогательного глагола *кэл-* впервые рассмотрена в ее монографиях, посвященных северо-восточным говорам. Не менее детальное описание данной диалектной конструкции дано в статье «Модальные формы причастий на *-ых* и *-ья* в якутском языке» Г. Г. Филиппова, где приводится разбор всех аналитических форм причастия на *-ых* и формы *-ья* в якутском языке [7].

Компоненты диалектной аналитической конструкции с модальным значением

В результате полевых исследований выяснено, что для носителей абыйского говора характерно использование аналитической конструкции с модальным значением для выражения произвольного желания, намерения. В ходе анкетирования 50% респондентов (20 из 40) использовали конструкции: *мин утуйуом кэллэ* – ‘мне хочется спать’, *мин аһыам кэллэ* – ‘мне хочется есть’. Другая половина респондентов использовала иную, общеупотребительную аналитическую конструкцию в составе падежно-причастной формы

-*бахпын* с модальным значением [8, с. 42]: *аһыахпын баҕардым* – ‘я хочу есть’, *утуйуохпун баҕардым* – ‘я хочу спать’. Во время анкетирования также зафиксировано употребление свободных сочетаний аналитической конструкции: 3 опрошенных дополнительно дали варианты: *мин утуйуох санаам кэллэ* – ‘мне захотелось спать’ / ‘у меня возникло желание поспать’, *мин аһыах санаам кэллэ* – ‘мне захотелось есть’ / ‘у меня возникло желание поесть’. Две последние конструкции являются литературными вариантами.

Как было указано, отличительным признаком аналитических конструкций является знаковое и смысловое единство значения их компонентов и монолитность их употребления [9]. Иными словами, вне сочетания с причастием на *-ыа/-ых* глагол *-кэл* лишается своей семантики ‘захотеть’, а аффикс *-ыа/-ых* в якутском языке не используется в роли имени действия. Сейчас принято считать, сочетание причастия и вспомогательного глагола в аналитической конструкции порождает одну синтаксическую единицу – сказуемое [10]. Однако для детального разбора модели диалектной аналитической формы требуется рассмотреть каждый компонент отдельно:

Первый компонент представлен причастием будущего времени на *-ыа/-ых*, принявшим аффикс принадлежности [2]. Сама глагольная основа не представляет особого интереса в данном сочетании, так как он может быть легко заменен другим [10]. Именно аффикс *-ыа/-ых* выполняет важную функцию в качестве аналитического форманта, замыкающий основной и вспомогательный глаголы. В рамках рассматриваемой конструкции он становится показателем модальности: *аһыам кэллэ* – ‘мое кушание (мое желание кушать) подступило’.

Наиболее любопытное положение занимает вспомогательный глагол *кэл* ‘приходить’, который в сочетании с основным глаголом десемантизируется и выражает чувственное восприятие [2], принимая модальное значение ‘непроизвольно захотелось’. К нему присоединяется аффикс недавнопрошедшего времени 3 лица, согласуясь с причастием, принявшим значение имени действия.

В литературном языке якутский глагол *кэл* активно используется для образования иных аналитических форм в сочетании с причастием и деепричастием. Однако его семантика начала, возникновения действия за ним сохраняется: *туран кэллэ* – ‘он вдруг встал’ [11, с. 289]; *турарым кэллэ* – ‘мне пора встать’, ‘вот-вот встану’. Можно сделать вывод о том, что в рамках аналитических конструкций лексема *кэл*, хотя и выполняет функцию вспомогательного глагола, десемантизируется не полностью, обозначая подступ к моменту совершения какого-либо действия, таким образом, частично сохраняя первоначальное значение ‘прийти’, ‘подойти’.

Эта аналитическая форма имеет живое употребление не только в абыйском говоре, но и в момском, колымском и оймьяконском говорах в ходе диалектологических исследований ИЯЛЯ СО АН СССР в 1950-х гг. Так, рассматриваемое грамматическое явление считается особенной чертой северо-восточной диалектной зоны якутского языка.

В настоящий момент аналогичная конструкция для выражения модальности желания активно употребляется в ряде тюркских языков. Для сравнения показателей каждого из компонентов необходимо сопоставить их с общетюркским материалом.

Свойство глагола *кэл-* образовываться в служебный компонент в рамках различных аналитических моделей показывает весьма устойчивый характер в общетюркской перспективе. Во многих тюркских языках он лишается своего первоначального значения [10] и используется в качестве вспомогательного глагола для выражения чувственного восприятия: казах. *мен көргім келеді* ‘я хочу видеть’, башк. *баргым килэ* ‘хочу идти’, тат. *ашыйсым киле* ‘хочу есть’, тур. *öpesim geldi* ‘хочу поцеловать’, алт. *уйку- кел-* – ‘хотеть спать’ и т. д.

Исследователи в области якутского языкознания сопоставляли *-ыа/ыах кэл-* с общетюркским *-гу/ -гы кэл-* [7, с. 113]. Общетюркский аффикс *-гу, -гы* в составе аналитической конструкции был замечен в узбекском, уйгурском, казахском и туркменском языках [13, с. 18], а также в башкирском, где он употребляется наряду с поздней синонимичной формой на *-сы кел-* [10, с. 109]. Хотя он изначально и был показателем имени/имени действия, на современном этапе как таковой не воспринимается, выражая в основном категорию модальности [10]. Однако словообразовательный аффикс *-ку, -бу* сохранился в отдельных именных единицах: алт. *уйку- кел-* – ‘хотеть спать’ (уйку – ‘сон’), алт. *куску- кел-* – ‘хотеть вырвать’ (куску – ‘рвота’) и др.

Так, в общетюркской перспективе данная модель аналитической конструкции имеет разные степени сохранности: в ряде тюркских языков (башкирский, казахский и др.) она продолжает активно функционировать, в то время как в якутском языке она замечена лишь в отдельных ее говорах. Когда носители центральных говоров или говоров, относительно близких к центральным, переходили на другие модели выражения модальности, на периферии закрепилось употребление архаичной формы: «Вместе с тем на территории, удаленной от центра, в разной степени сохраняются архаизмы, функционирующие в активном словаре носителей языка» [14, с. 33].

На современном этапе литературный вариант выражения ненамеренного желания в якутском языке представлен сочетанием причастия на *-ыах*, имени существительного *санаа/баҕа* ‘желание’, сращенное притяжательным аффиксом и вспомогательного глагола *кэл-* [15, с. 31]. Имеющаяся в литературном якутском языке модель свободного сочетания сопоставима с диалектной аналитической конструкцией, функционирующей в рассматриваемом говоре. Только в состав последнего сочетания включено именное слово, имеющее семантику намерения, желания [7, с. 115] и выражающее модальность в данной конструкции. В результате этого семантическое составляющее не претерпело изменений, но в структурном плане получило полное оформление: *аһыах санаам кэллэ* ‘возникло желание поест’. Возможно, что данное свободное сочетание является продуктом более поздних образований по сравнению с диалектной глагольной конструкцией: «Общеизвестно, что на периферии оседают архаизмы, а в центре рождается новое в языке» [14, с. 86]. Это может указывать на то, как свободные сочетания в якутском языке «вытесняют» древние аналитические формы. Известный тюрколог Н. А. Баскаков, изучая эволюцию аналитических форм глаголов в тюркских языках, отметил «тенденции постепенной грамматизации свободных сочетаний слов» [9, с. 74].

Заключение

Таким образом, в рамках диалектной аналитической конструкции привычные нам части речи употребляются в совершенно других значениях: вспомогательный глагол *кэл-* принимает значение чувственного восприятия, не входящего в его семантическую структуру, форма причастия будущего времени на *-ыа/-ыах* становится показателем имени действия. Уникальность аналитизма в тюркских языках заключается в представленности «полнозначного слова – в роли служебной морфемы, аффикса одной грамматической категории – в качестве показателя другой, словосочетания – в качестве сложной лексемы или же формы слова, причем без какого-либо изменения внешнего облика указанных типов значащих единиц» [10, с. 55].

На материале литературного языка мы наблюдаем образование свободных сочетаний на базе аналитической конструкции в составе причастия на *-ыа/-ыах* и служебного глагола *кэл-*. Е. И. Коркина подчеркнула, что «список свободных сочетаний причастных форм с модальными частицами имеет тенденцию к дальнейшему пополнению за счет

создания новых типов и моделей сочетаний с модальным значением по мере развития языка» [15, с. 33]. При первом взгляде модель аналитической конструкции по отношению к модели ее свободного сочетания более примитивная, тогда как другая представляет грамматически и лексически целостную структуру. Однако диалектный и литературный варианты выражения модальности семантически равны и взаимозаменяемы. В то время как в свободном сочетании именное слово выражает модальность, в аналитической форме показатель модальности имеет вся конструкция целиком. Так, диалектная аналитическая конструкция представляет неразложимую единицу, не нуждающуюся в дополнениях и уточнениях.

Проведенное анкетирование позволило подтвердить жизнеспособность данной грамматической модели в живой речи носителей абыйского говора и проследить динамику изменений уникальных диалектных черт в условиях усиливающегося воздействия литературного языка и глобализационных процессов. Полученные результаты, согласно которым конструкция остается продуктивной для половины респондентов, свидетельствуют о её высокой степени устойчивости, но по сравнению с данными, полученными в ходе анкетирования в 50-х XX в., наблюдается небольшой спад в ее употреблении.

Разнообразие аналитических форм тюркологии считают «достоянием праязыка» [4, с. 7]. Иначе говоря, ярко выраженный аналитизм в глаголах говорит о сохранении древнейших языковых черт. Говорит ли сохранение общетюркской аналитической конструкции в составе северо-восточных говоров якутского языка о наибольшей архаичности данной диалектной группы по отношению к другим говорам? Выяснение факторов сохранения языковых явлений, характерных для древнетюркских языков, в качестве специфических черт северо-восточной диалектной зоны – задача последующих исследований. В дальнейшем это может пролить свет на историю передвижения предков якутов по северу республики.

Литература

1. Малышева Н.В., Борисова В.С., Турантаева Н.В. и др. Абыйский говор якутского языка (на материале полевых работ). *Oriental Studies*. 2025;2. DOI: 10.22162/2619-0990.
2. Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1961:130.
3. Коркина Е.И. *Северо-восточная диалектная зона якутского языка*. Новосибирск: Наука; 1992:267.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Москва: Наука; 1988:563.
5. Юлдашев А.А. К проблеме аналитизма в тюркских языках. *Вопросы языкознания*. 1965;2:55-65.
6. Озонова А.А. Модальные аналитические конструкции алтайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Новосибирск; 1999:22.
7. Филиппов Г.Г. Модальные формы причастий на -ых и -ья в якутском языке. *Вестник СВФУ*. 2015;48(4):109-121.
8. Коркина Е.И. Аналитические конструкции в составе причастной формы на -ыхпын и функционально-модальных глаголов в якутском языке. *Якутский филологический сборник: (сборник научных трудов)*. Якутск; 1976:42-52.
9. Карымбаева К.М. Аналитическая форма глагола и ее отличие от внешне сходных языковых явлений. *Всероссийский журнал научных публикаций*. 2012;2(12):74-75.
10. Юлдашев А.А. *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. Москва: Наука; 1965:275.
11. Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 томах. Т. 1: Фонетика и морфология. Москва: Наука; 1982:495.
12. Филиппов Г.Г. *Причастие будущего времени на -ых и форма на -ья в якутском языке*. Якутск: Изд-во Якутского университета; 1996:110.

13. Агламова М.Т. Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. Ташкент: 1966:30.
14. Воронкин М.С. *Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с лит. яз. и характеристика*. Новосибирск: Наука. Сиб. изд.; 1999:196.
15. Харабаева В.И. Е. И. Коркина о глагольных лично-отнесенных модальных конструкциях в якутском языке. *Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия: сборник научных статей*. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН; 2018:31-35.

References

1. Malysheva NV, Borisova VS, Turantaeva NV, et al. The Abyi dialect of the Yakut language (based on field materials). *Oriental Studies*. 2025;2 (in Russian). DOI: 10.22162/2619-0990.
2. Collection of dialectological materials of the Yakut language. Yakutsk: Yakut book publishing house; 1961:130 (in Russian).
3. Korkina EI. *Northeastern dialect zone of the Yakut language*. Novosibirsk: Publishing house "Nauka"; 1992:267 (in Russian).
4. Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology. Moscow: Nauka; 1988:563 (in Russian).
5. Yuldashev AA. On the problem of analyticity in Turkic languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 1965;2:55–65 (in Russian).
6. Ozonova AA. Modal analytical constructions of the Altai language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Novosibirsk: 1999:22 (in Russian).
7. Filippov GG. Modal forms of participles in -yah and -ya in the Yakut language. *Vestnik of NEFU*. 2015;48(4):109–121 (in Russian).
8. Korkina EI. Analytical constructions in the participial form ending in -yahpyn and functional-modal verbs in the Yakut language. *Yakutskiy filologicheskij sbornik: (sbornik nauchnykh trudov)*. Yakutsk; 1976:42–52 (in Russian).
9. Karymbayeva KM. Analytical form of the verb and its difference from outwardly similar linguistic phenomena. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 2012;2(12):74–75 (in Russian).
10. Yuldashev AA. *Analytical forms of the verb in Turkic languages*. Moscow: Nauka; 1965:275 (in Russian).
11. Grammar of the modern Yakut literary language: in 2 volumes. V. 1: Phonetics and morphology. Moscow: Nauka; 1982:495 (in Russian).
12. Filippov GG. *The future participle in -yakh and the form in -ya in the Yakut language*. Yakutsk: Publishing house of Yakut State University; 1996:110 (in Russian).
13. Aglamova MT. Methods of expressing imperativeness and desirability in Turkic languages: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Tashkent: 1966:30 (in Russian).
14. Voronkin MS. *Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with lit. language and characteristics*. Novosibirsk: Publishing house "Nauka"; 1999:196 (in Russian).
15. Kharabaeva VI. EI. Korkina about verbal personal-related modal constructions in the Yakut language. In: Danilova NI., Popova NI., Samsonova YeM. (ed.) *Evdokia Innokentievna Korkina: biography and interpretation of scientific and creative heritage: collection of scientific articles*. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems; 2018:31–35 (in Russian).

Об авторе

БОРИСОВА Валерия Сергеевна – магистрант 1 курса, ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация; м. н. с. Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0008-3094-6899, ResearcherID: OHU-0619-2025, e-mail: Valerybo1402@gmail.com

About the author

Valeriia S. BORISOVA – Master's student, National Research University Higher School of Economics, junior researcher, Moscow, Russian Federation; Arctic Linguistic Ecology Laboratory, M. K. Ammosov

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0008-3094-6899,
ResearcherID: OHU-0619-2025, e-mail: Valerybo1402@gmail.com.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 13.09.2025

Принята к публикации / Accepted 26.09.2025